

Г. А. ФЕДОРОВ

МОСКОВСКИЙ МИР ДОСТОЕВСКОГО
ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
XX века

Г. А. ФЕДОРОВ

МОСКОВСКИЙ МИР ДОСТОЕВСКОГО

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
XX века

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2004

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 02-04-16127

Федоров Г. А.

Ф 32 Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 464 с.

ISBN 5-94457-152-7

В книге собраны работы автора за 30 лет. Главная тема книги — отношения Достоевского с двумя великими городами — Москвой, где он родился, и Петербургом, где он умер. Это в особенности — биографическая московская предыстория творчества Достоевского, остававшаяся малоизученной до работ Г. А. Федорова. Обширные архивные изучения неизвестных материалов — отличительная особенность этих работ.

В книгу входит статья «Был ли убит отец Достоевского?», ставшая сенсацией в 1975 году.

Вторая большая тема книги — художественная культура уже XX века, особенно 1920—1930-х годов, прежде всего, театральная и музыкальная культура, и второй герой книги — Д. Д. Шостакович, а также С. С. Прокофьев, С. М. Эйзенштейн, Н. Б. Акимов, И. Терентьев, М. Добужинский.

Книга обращена как к историкам русской литературы и искусствоведом, так и к широкому кругу читателей.

83.3

*В оформлении переплета использован фрагмент
картины Я. Мостарта «Се человек»
(Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина)*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-152-7

9 785944 571526 >

© Г. А. Федоров, 2004

© С. Г. Бочаров, В. Н. Топоров, Предисловие,
2004

Оглавление

Об авторе этой книги и его работе (С. Г. Бочаров, В. Н. Топоров)	7
От автора	19

I. Москва и Петербург в судьбе Достоевского

Предместье	25
Семья Козловских	54
Дом в Лефортове	58
Фроловна и Ульяна	62
Отец и сын Котельнички	65
Драшусов и «пансиониско Тушара»	89
Пансион Л. И. Чермака	97
Петербург. 1837 г.	115
Сельцо Даровое	130
Был ли убит отец Достоевского?	146
«Помещик. Отца убили...»	154
Петербург «Двойника»	194
Санкт-Петербург. Год 1846	211
Москва Достоевского	254
Куманины и «Маленький герой» (московская родня Достоевского)	261
К портрету Ф. Ф. Опискина	273
Дом со ступенями	291
«Се человек» (картина Яна Мостарта)	313
Материалы о ранних годах жизни Аполлона Григорьева	368

II. Художники и XX век

Вокруг и после «Носа»	379
Кисть Акимова	405
Тринадцать их (Прокофьев и Эйзенштейн)	407
Пространства Мстислава Добужинского.....	423
Указатель имен	446
Список иллюстраций	458

I

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГ В СУДЬБЕ ДОСТОЕВСКОГО

Предместье

Да и сторона-то, надобно сказать, была такая, которая могла нарезать на душе неизгладимые впечатления.

Аполлон Григорьев

Федор Достоевский родился 30 октября 1821 г. в казенной квартире отца Михаила Андреевича, врача московской больницы для бедных, на улице Новая Божедомка, в урочище, известном в Москве как Убогий дом.

На этой земле прошло начало жизни. Смерть матери от чахотки в 1837 г. определила отъезд Федора и его брата Михаила в Санкт-Петербург.

Виденное и пережитое в детстве нашло впоследствии отражение в романах Достоевского. Это не только реалии из родственного круга Куманиных, это и память об особых чертах московской стороны, где он родился, где прошло детство и отрочество, стороны, имевшей особенности, выделявшие ее из других городских предместий.

Мир представлял не затворенным в пределы урочища на Убогом дому, со всеми своими яркими, отчасти тяжелыми, впечатлениями. Московский мир открывался и с кремлевского холма, и в поездках к родственникам по городу. Россия представляла не только в поездках в Даровое (крестьянский мир Дарового сыграл свою роль в воспитании Достоевского и найдет отражение в

его романах), но и к Троице, и в Переславль, возможно, даже к князьям Козловским в Борщовку на Волге.

Семенов-Тянь-Шанский писал: «...всего менее я могу согласиться с мнением биографов, что Ф. М. Достоевский был “истерически-нервным сыном города”. Истерически-нервным он действительно был, но был им от рождения и остался бы таким, если бы даже никогда не выезжал из деревни, в которой пробыл лучшие годы своего детства».

Можно ли быть уверенным, что «истерически-нервный» Достоевский с рождения, а не с потрясения смертью отца в 1839 г.?

«Сына города» растила Москва, многое должно быть понято в особом складе «божедомского края города». Это необходимо знать для встречи Достоевского с Петербургом.

Город к этой московской окраине подходил со стороны Садовой, Новослободской, Мещанских улиц. А та часть, где были больница, институты, оставалась до середины XIX века незастроенной и сохраняла пустынную часть предместья.

В парадном дворе больницы был лужок, на нем начинали ходить дети Достоевских. Старших братьев воспитывал не гувернер-иностранец, а няньки: Алена Фроловна и нанятая позже Ульяна. Они рассказывали сказки, одна из крестных Федора была крепостной князя Козловского.

Лечил детей доктор В. Трейтер (считавшийся внебрачным сыном И. В. Гёте), и с внуком великого немца Михаил и Федор будут учиться в пансионе Чермака.

Детские годы проходят в больничном саду, где гуляли дети других служащих: братья Альфонские, Дуня Лужина (сестра П. П. Лужина), Иван Прыжов... Они войдут в творческую память Достоевского.

Уклад семьи заставляет вспомнить и такие мелочи: у семьи Достоевских — корова (предмет забот М. А. Достоевского, когда жена в Даровом), воду берут не из гнилой божедомской земли, за родниковой мытищенской водой ходит слуга в город, к Сухаревой башне.

В «Воспоминаниях» Андрея Достоевского читаем: «Дом московской Мариинской больницы находился в недалеком расстоянии от Марьиной рощи. Эта роща была всегдашней целью наших

*Мария Федоровна Достоевская, урожденная Нечаева, мать писателя.
С пастели Попова 1823 г.*

летних прогулок. Часу в седьмом вечера, когда палящая жара уже спадет, мы все, дети с родителями, и по большей части с другими обитателями Марининской больницы (преимущественно с Цимровскими), отправлялись на эту прогулку. Проходя мимо часового, стоявшего неизвестно для каких причин при ружье и в полной солдатской форме у ворот Александровского института, принято было за неперменную обязанность подавать этому часовому грош или копейку. Это вообще было в обычае у москвичей того времени. Прогулки происходили весьма чинно, и дети, даже за городом в Марьиной роще, не позволяли себе поразвлекаться, побегать. Это считалось неприличным и позволялось только в домашнем саду. В прогулках этих отец всегда разговаривал с нами, детьми, о предметах, могущих развить нас. Так,

*Михаил Андреевич Достоевский, отец писателя.
С настели Потова 1823 г.*

помню неоднократные наглядные толкования его о геометрических началах, об острых, прямых и тупых углах, кривых и ломаных линиях, что в московских квартирах случалось на каждом шагу».

По словам Достоевского, он «возрос» на Карамзине. «История государства Российского» была его настольной книгой. У него был свой экземпляр. «Историю» читали в семейном кругу вечерами, когда Михаил Андреевич был свободен от службы. Так у Карамзина сказано:

«Тогдашняя (историк имел в виду XV век. — Г. Ф.) христианская набожность произвела один умильный обычай. Близ Москвы было кладбище, называемое селом (т. е. полем. — Г. Ф.) скудельничим, где люди добролюбивые в четверток перед Троицыным днем сходились рыть могилы для странников и петь панихиды в упокоение душ тех, коих имена, отчество и ве-

ра были им неизвестны; они не умели назвать их, но думали, что бог слышит и знает, за кого воссылаются к нему сии частые, бескорыстные, истинно христианские молитвы. Там погребали тела, находимые в окрестностях города, а может быть, и всех иноземцев».

Убогий дом назывался скудельницей, в подражание иерусалимской скудельнице, купленной иудейскими архиереями за 30 серебреников — цену предательства Иуды, для погребения странников, приходивших в Иерусалим из отдаленных стран на поклонение Богу и, в случае внезапной смерти, не имевших особого кладбища. Иерусалимские жители не допускали хоронить их на своих кладбищах. Название «скудельница» соответствует месту погребения скудных, убогих, по созвучию слов «скуда», «скудность», «убожество», также по сходству с землею бесплодной, истощенной добыванием глины для скудельничего или горшечного производства. Начало же устройства дома для убогих, умерших насильственной смертью и лишенных домовищ (гроба), надо искать в человеколюбивом примере Товия, который, увидев поверженного на торжище, труп снес в некий дом для погребения и, ежели кого из рода своего (из земляков) находил умершим и поверженным вне стен Ниневии, погребал его.

История открытия села скудельничего относится к 1820-м годам, когда И. М. Снегирев (историк, профессор Московского университета) по рассказам старожилов, церковных служителей и по записям храмовых церквей Иоанна Воина и Духосошественской, основанной на месте нового убогого дома, определил место старого убогого дома. Подтверждалось это и Мичуринским планом Москвы 1739 года: место Божедомки называлось «старыми убогими домами». И. М. Снегиревым был прочитан доклад в «Императорском обществе истории и древностей российских» при Московском университете и сделана публикация.

Средневекового москвича после смерти хоронили на погосте церкви, в приходе которой он жил, где его крестили и отпевали, там же хоронили его дедов и прадедов. Родных, умерших от старости, называли «родителями» и хоронили их на земле освященной.

Но были и умершие неведомые и неизвестные, в народном представлении — мертвяки или заложенные, люди, умершие прежде срока, смертью неестественной, как бы наказанные Богом. Их хоронили только за городом, на всполье, на Божьей земле, от этого и название — Божий дом. Труп мог быть не погребен в земле, а зарыт, чтобы его не тронули звери и птицы, отсюда и название — заложенный.

Убогий дом, казалось бы, должен был существовать для погребения трупов убогих, лишенных крова и пристанища, нищих странников, безродных, круглых сирот, калек. Был он не Убогим, а Божьим домом, — значение расширилось.

Бог наказывал, но и давал приют, но не в человеческом обжитом пространстве, а в поле. Настигнутые насильственной смертью, попавшие молнией, утонувшие, замерзшие от холода, убитые на брани, преступники, проклятые своими родителями, — все находили здесь приют; Убогий дом был и опальным кладбищем для казненных и умерших в опале. Сюда свозили замученных пытками в застенках, хоронили здесь и воров, и разбойников, погребали и людей иной веры и знавших с нечистой силой.

Тело Бориса Годунова, погребенного с почестями в Архангельском соборе, было затем, при Самозванце, вынесено не через дверь, а через пробитое в стене — как знак бесчестия — отверстие для погребения на Убогом дому. И труп Лжедмитрия был увезен сначала на Убогий дом.

Тела опальных князей В. Л. и И. А. Долгоруких похоронили на поле под Великим Новгородом в 1730 г.

Одним из таких «убогих» мест и, вероятно, наиболее старым был Убогий дом поблизости от Самотеки, где сливались две реки — Напрудная и Самотека, образуя Неглинную. Слово Неглинок значило болотце, влажное место с ключами.

Дороги, идущие от Москвы, спускались в низину, в место водоносное, топкое; через столетия здесь будет пруд.

В топком месте был ямник с неизбежной в нем водой. Над ямником стоял сарай. В ямник свозили в течение года трупы, прикрывая их рогожей. Трупы лежали неотпетыми до установленного дня.

За местом имел надзор божедом, воспитывавший подкидышей. Перед днем отпевания мертвых, лежавших на Убогом дому, божедом вывозил своих питомцев в город собирать милостыню.

Вода в ямнике не определялась «христианской набожностью». Топкое место и речки служили в народном поверии препятствием для привезенного и погребенного на Убогом дому. Покойник доживал срок после внезапной смерти и в представлении людей был опасен живым.

Погребение в воде — обычай языческий.

«Помяни, Господи, души сырых и убогих, нищих и младенцев некрещеных, небрежением отца и матери умерших, и в скудельницах лежащих братий наших» — вписано в Синодик конца XVII века для поминовения погребенных в убогих домах или скудельницах.

На Божьем доме был один день поминовения, в седьмой четверг по Пасхе — Семик — перед Троицыным днем.

Из Петровского монастыря в Семик шел на Убогий дом крестный ход во главе с духовенством, иногда даже самим патриархом.

Московский люд шел со свечами, с саванами, рубахами, несли для поминовения кутью, блины, драчену, печеные яйца, вино.

Тела одевали в саваны и погребали.

Потом омывали в воде руки и у могил сотворялась тризна, а затем был в Марьиной роще праздник. С обязательной в веселой игре березкой.

«Лет за 40, — писал И. М. Снегирев, — (т. е. в 1790-х годах — напечатано в 1838 г.) в Семик вся Москва представляла разгульный Праздник; почти на каждом дворе ... в виде кущи обставлялся березками стол с яишницей и драченой, раздавались семицкие песни, с какими носили по улицам изукрашенную лентами и лоскутами березку толпы народа в венках из ландышей, дойников и незабудок, или из березовых и липовых ветвей».

Березка шествует в различных лоскутках,

В тафте и в бархате и шелковых платках.

Вина не пьет она, однако пляшет,

И ветвями трясая; так как руками машет,

Пред нею скоморох неправильно кричит,
Ногами в землю он как добрый конь стучит,
Доколе хмель его совсем не перевесит.
Там дама голосит, сивухой нагружая,
Вприсядку пляшучи, валится скоро в грязь,
Потом другая вмиг то место занимает,
Которая плясать вельми искусно знает,
Танцует голубца, танцует и бычка...

Так писал М. Д. Чулков в 1760-х годах.

Семик был любимым праздником Достоевских. В семье знали «Марьину рощу» В. А. Жуковского. История Убогого дома могла быть известна из рассказов В. М. Котельницкого, пересказывавшего собранное И. М. Снегиревым. Был и еще один источник прошлого — историческая повесть «Танька, разбойница ростокинская...», напечатанная в Москве в 1834 году. Одна из глав IV части, повествующая об Убогом доме, называлась «Столица гробов вблизи».

«Нет ни кисти живописной, ни пера самописного, ни языка красноречивого, чтобы изобразить верно все то, что представилось ужасающим взорам, чьим же? разбойничьим!»

Навалка трупов лежала в разброску; некоторые из них были уже початы временем и червями...

Историческая повесть могла быть известна Достоевским, хотя бы потому, что цензором ее был М. Т. Каченовский («ординарный профессор, статский советник и кавалер»), знакомый М. А. Достоевского — отца писателя.

Городской праздник во всей его необузданности и жанровой разновидности от петрушек и балаганов («комедиц») до иностранных цирковых представлений показывала Марьино роща.

Образ Марьино-рошинского Семика нам известен из статей «Московских ведомостей»: «Улицы превратились в аллеи! Вечером каретное и народное гулянье собиралось в Марьиной роще., — из записок М. Н. Загоскина. — ...Пробило двенадцать часов пополудни; я открываю окошко — раздался рокот рессор, появились экипажи... в этот день был Семик, но совсем не такой, какой представляется в театре под фирмою гулянья в

Марьиной роще; то был заправский и открытый Семик, в котором все принимали участие: то есть все были и посетителями и действующими лицами на обмен...

Каким фрунтом вытягивались по тротуарам березки, привязанные к тумбам!»

Все стремились к Крестовской заставе и, вышед из нее, поворачивали налево: одни из них бросились прямо в разгар гулянья, другие рассыпались по Лазаревому кладбищу, отыскивать и поминать сродников, друзей своих и всех православных христиан...

Праздничная стихия гуляний не считалась с правилами столичного благочиния, как это было на Подновинском гулянии: само положение рощи на границе города и уезда не стесняло полицию.

В городе жила присказка, пришедшая из лубка:

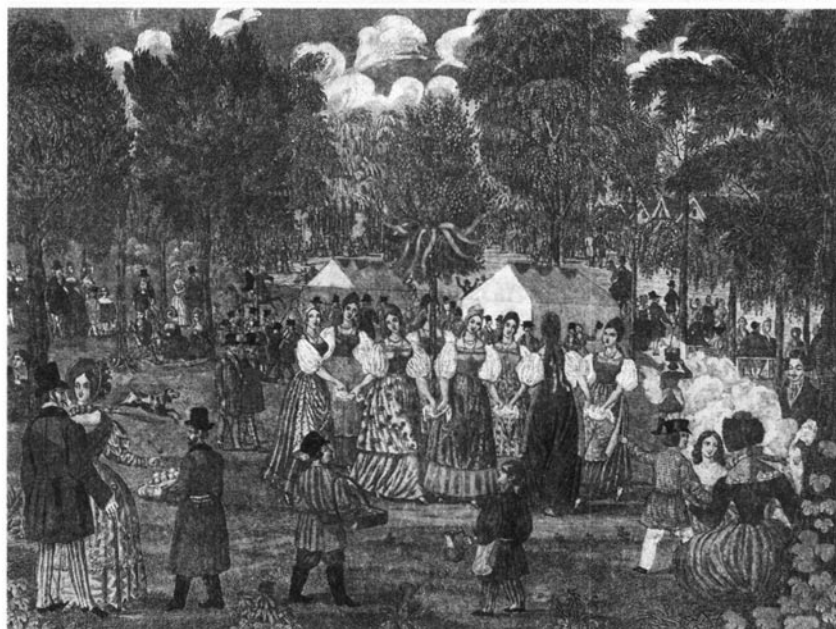
В роще Марьиной гулянье,
В тот же день был и семик.

Праздник продолжал быть ярчайшим явлением московской городской жизни.

Древние семицкие песни уживались с городскими простонародными, дворовыми, цыганскими хорами, все было красочным, неправдоподобным, особым.

Федор Достоевский не был равнодушен к фольклору в своем московском отрочестве. А. М. Достоевский в своих «Воспоминаниях» пишет: «Маменька порядочно играла на гитаре, дядя же... играл на гитаре артистично...». Дядя — это брат матери Михаил Федорович, приказчик одного из магазинов, часто бывал в семье Достоевских. Он-то и сообщил племяннику Федору текст «романса» Смердякова, который вспомнит писатель в «Братьях Карамазовых»:

Царская корона —
Была бы моя милая здорова.
Господи, по-ми-луй
Ее и меня!
Ее и меня!
Ее и меня!

Лубок «Семика, или гулянье в Марьиной роще».

(Из книги: *The Lubok: Russian Folk Pictures 17th to 19th Century*.

Aurora Art Publishers. Leningrad, 1984)

Чума в Москве (1771 года) положила конец новому Убогому дому у Марьиной рощи и превратила его в первое городское кладбище Лазарева воскресения. Погребальная половина Семика осталась в прошлом.

Семик был праздником весенним. Музыкально-зрелищная красота праздника со второй половины XVIII века зажила в спектаклях крепостного театра.

Праздничная половина древнего обряда утверждала торжество жизни. Достойно ли удивления, что «Семик» стал одноактной патриотической оперой после победы над Наполеоном. 15 января 1815 года в Московском театре на Знаменке был дан спектакль «Семик, или Гулянье в Марьиной роще» С. И. Давыдова. Успех заставил повторять представление через день в течение месяца. Благоклонный отзыв императора Александра I заставил к приезду короля прусского Фридриха Вильгельма III сыграть торжественный спектакль «Семик» в Останкине, под-

московной даче Дмитрия Николаевича Шереметева (сына Праксовьи Ивановны Жемчуговой и графа Николая Петровича Шереметева).

«Сцена, — пишет постановщик, балетмейстер А. П. Глушковский, — была устроена в большом зале и вместо декораций вся сцена была устлана березками, так что представляла действительно рощу».

«Лучшие танцоры, — пишет он дальше, — и танцовщицы, которые старались усовершенствоваться в русских танцах, ... брали уроки у русских; многие нарочно ездили к цыганкам и платили им большие деньги, чтобы только перенять их манеры в народной пляске.

Ко всему этому употреблен был в том же дивертисмане известный русский песенник Лебедев, который явился перед кружком песенников с разными русскими простонародными инструментами: с ложками, гремушками, дудками и проч. Прибавьте к этому превосходный кордебалет, который действовал ровно, точно, и отлично придуманные разнообразные национальные костюмы». Глушковский справедливо подчеркивал: «успех Семика гремел повсюду».

Сценические представления раскрывают для нас уроки народного праздника в Марьиной роще.

М. И. Глинка вернулся в 1834 году из заграничного путешествия с обилием ярчайших музыкальных впечатлений. В июне побывал в Москве. В своих «Записках» сообщает: ««запала» мне мысль о русской опере; слов не было, а в голове вертелась «Марьиная роща» (принято думать, что В. А. Жуковского. — Г. Ф.), и я играл на фортепьяно несколько отрывков сцен, которые отчасти послужили мне для «Жизни для царя»».

Встреча композитора с праздничной «Марьиной рощей» не вдохновила на сюжет «старинного предания» Жуковского. «Слов не было», — наверное, это решило судьбу замысла.

Праздник в Марьиной роще продолжал свою жизнь: А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому: «На гулянье в Марьиной роще я так забыл горе России — голод, что загулялся почти до полуночи, заглядывал почти во все шатры и три цыганских, но не первоклассных, любовался народностью...»

Георгий Алексеевич Федоров
МОСКОВСКИЙ МИР ДОСТОЕВСКОГО
ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
XX ВЕКА

Издатель А. Кошелев

Корректоры Е. И. Власова, Е. Н. Зоткина

Художественное оформление переплета
Н. Прокуратовой и С. Жигалкина

Художник-консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 13.10.2003. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. печ. л. XX. Заказ № 258

Издательство «Языки славянской культуры».

ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: lrc-kozlov@mtu-net.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-press.ru>

<http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГП «Облиздат»
248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Zubovskiy b-p, 17, str. 3, k. 6.

(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication

by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).